

УДК 821.161.1.09–32+929Бунин

Плеоназм как стилистический прием в прозе И. А. Бунина (на примере рассказа «Натали»)

Пэй Лиминь

Пэй Лиминь, аспирант кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет, 1602338126@qq.com

Статья посвящена анализу значимого для идиостиля И. А. Бунина приема – плеоназма. На материале целостного текста – рассказа «Натали» – осуществляется его комплексное системное описание с учетом контекста. Научная новизна исследования заключается в полном и подробном анализе синтаксических и семантических характеристик плеонастических конструкций, встречающихся в прозаическом тексте И. А. Бунина, в выявлении набора их стилистических и внутритекстовых функций.

Ключевые слова: плеоназм, семантические типы плеоназма, смысловые приращения, образная конкретизация, эвфония, экспрессивность.

**Pleonasm as a Stylistic Reception in I. A. Bunin's Prose
(On the Example of the Story *Natalie*)**

Pej Limin'

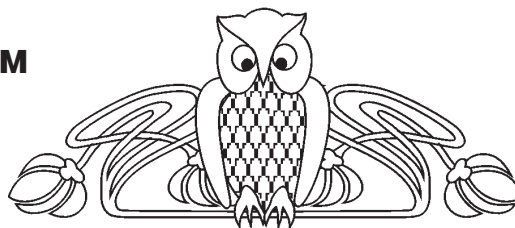
Pej Limin', <https://orcid.org/0000-0002-1337-0049>, Moscow State Linguistic University, 38, Build. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia, 1602338126@qq.com

The article covers the analysis of pleonasm – a significant technique in I. A. Bunin's individual style. A comprehensive systematic description of the text is carried out on the material of a complete text – the story *Natalie* – taking into account the context. The scientific novelty of the research lies in a complete and detailed analysis of the syntactic and semantic characteristics of pleonastic constructions in the prose text of I. A. Bunin, in revealing the range of their stylistic and intratextual functions.

Keywords: pleonasm, semantic types of pleonasm, semantic expansions, figurative refinement, euphony, expressiveness.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-25-29>

Литературные критики, коллеги по цеху и исследователи творчества И. А. Бунина не раз отмечали его изобразительное мастерство и редкостную выразительность детали. В предисловии к девятитомному собранию сочинений Бунина А. Т. Твардовский писал: «Без похвал этому языку, как, впрочем, и описаниям природы, не обходится ни одно высказывание о Бунине»¹. Далее говорилось, что И. А. Бунин пользуется чрезвычайно широким кругом приемов, «мягких штрихов», которые, тем не менее, четко и ясно передают адресату разнообразные впечатления автора, что он «предельно конкретен и точен в деталях и подробностях описаний»². Исследователь идиостиля И. А. Бунина не может обойти

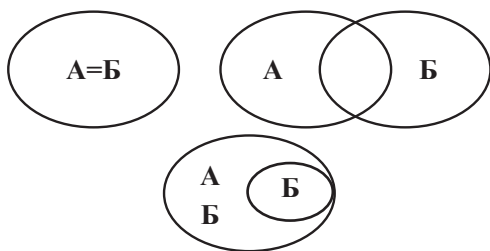
стороной вопрос о том, каким образом автор присовокупляет мелкие детали, способные возбудить в читателе живые ощущения от прикосновения к реальности. На эту индивидуальную черту указывал и А. Т. Твардовский: «По части красок, звуков и запахов, “всего того, – выражаясь словами Бунина, – чувственного, вещественного, из чего создан мир”, предшествующая и современная ему литература не касалась таких, как у него, тончайших и разительнейших подробностей, деталей, оттенков»³. Наши наблюдения показали, что филигранному вычленению оттенков способствует, в частности, плеоназм – прием, широко распространенный как в поэтических, так и в прозаических текстах И. А. Бунина, однако обойденный вниманием исследователей. Рамки статьи вынуждают нас ограничиться подробным анализом плеоназма в одном тексте. С этой целью нами выбран рассказ «Натали» из сборника «Темные аллеи». Однако начать мы должны с определения центрального для нашей работы термина.

Понятие «плеоназм» – порождение античной риторики. Изначально это был народно-поэтический прием, повышавший напевность речи и усиливавший воздействие на слушателя. Античные риторы разошлись в его оценке: так, М. Ф. Квинтилиан считал плеоназм недостатком, перегружавшим речь; Дионисий Галикарнасский, напротив, воспринимал плеоназм как «обогащение речи словами, на первый взгляд излишними, но в действительности придающими ей ясность, силу, ритмичность, убедительность, пафос, неосуществимые в речи лаконической»⁴. В русской риторике это понятие появилось лишь в XVIII в., хотя сам прием был широко представлен в народных сказках, песнях, пословицах и поговорках, а также в Священном Писании. Трактовался плеоназм как фигура разумения либо как фигура речи, заключающаяся в «прибавлении слов»⁵.

Несмотря на архаичность явления, однозначного определения плеоназм не получил до сих пор. Сложность решения возникшей терминологической проблемы обусловлена необходимостью развести содержательные и структурные характеристики плеоназма и найти среди них необходимые и достаточные признаки, по которым можно будет отличать плеоназм от схожих с ним явлений. Прежде всего, нужно провести границу между плеоназмом и тавтологией, определить,

считать ли плеоназмом только словосочетание из однокоренных лексем или любые другие с синтаксической точки зрения комбинации разнокоренных лексем. Эр. И. Хан-Пира, изучив толкования этого понятия в словарях, предлагает считать плеоназмом «словосочетание, в котором употреблены слова, полностью совпадающие по значению, либо такие, в которых значение одного слова включено уже в состав значения другого»⁶. С ней не согласна Т. А. Ковалева, которая понимает плеоназм и как повтор синонимов, и как дублирование семантики не только в словосочетании, но и в предикативном ядре или при опосредованной связи внутри предикативной единицы, и как «отсутствие семантической и стилистической нагрузки одного из компонентов высказывания»⁷. Мы согласны с Т. А. Ковалевой в том, что дублирование значения может быть не только частичным, но и полным, и что компоненты плеоназма могут выражаться не только словом, но и предложением. Как отмечает В. А. Виноградов, «плеоназм реализуется как в пределах предложения, так и в более широком контексте; в последнем случае плеоназм может проявляться в изосемии (смысловой близости) целых предложений, дублирующих некий общий смысл»⁸. Добавим к этому, что средствами выражения плеоназма могут быть любые, в том числе и однокоренные, лексемы (Е. Н. Геккина относит сочетание однокоренных слов типа *дельное дело* к тавтологии, которую причисляет к разновидностям плеоназма⁹). Таким образом, в данной статье под плеоназмом будет пониматься накопление в речи слов или словосочетаний, частично или полностью совпадающих по значению, или таких, в которых значение одного компонента входит в состав значения другого, а также наличие в микротексте предложений, дублирующих по смыслу друг друга. Наглядно это можно представить в следующих схемах:

Первая схема отражает полное совпадение по смыслу компонентов плеоназма, вторая – частичное, третья – включение. В некоторых случаях компонентов плеоназма может быть больше двух.

В. А. Виноградов различает обязательный и факультативный (или стилистический) плеоназм исходя из языковой или речевой природы данного явления¹⁰. Он указывает, что обязательный плеоназм, обусловленный языковой нормой, широко присутствует в грамматике различных языков, например в системах согласования, где

имеет место дублирование грамматических значений существительного в формах зависимых от него слов (*летнее утро*), в некоторых конструкциях глагольного управления, если пространственное значение глагольных префиксов дублируется в предлогах (*спуститься с дерева*) или имеется двойное отрицание («*никогда не был*») и т. п. Отметим, что изучение обязательных плеоназмов, не имеющих стилистической значимости, не входит в наши задачи. Некоторые лингвисты различают также синтаксические и семантические плеоназмы. Под синтаксическим плеоназмом понимается избыточное употребление служебных частей речи, например: *Она сказала мне о том, что ее мать заболела*. Здесь *о том* можно опустить и смысл не изменится. Такой вид плеоназма также не будет объектом нашего рассмотрения.

Плеоназм может быть неосознанным и сознательно употребленным. Первый тип представлен, главным образом, в разговорной и реже в публицистической речи. Он является лексической ошибкой. Второй тип в устной речи служит усилению перлокутивного эффекта и приданию эмоциональной окраски, а в художественной речи выступает как стилистический прием с разнообразными семантическими и текстовыми функциями.

Как уже говорилось, плеоназм является характерным для идиостиля И. А. Бунина приемом, однако он остался не замеченным ни лингвистами, ни литературоведами. Это определило для нас широкий круг исследовательских задач: описать все способы формального выражения плеоназма в произвольно выбранном рассказе И. А. Бунина, выявить передаваемые им смысловые оттенки, оценить экспрессивные возможности в конкретном контекстном окружении и в составе целого текста.

В рассказе «Натали» плеоназм конструктивно достаточно разнообразен. Встречается как двухкомпонентный, так и многокомпонентный плеоназм, например: *Заходила из-за сада туча, тускнел воздух, все шире и ближе шел по саду мягкий летний шум, сладко дуло полевым дождевым ветром, и меня вдруг так сладко, молодого и вольно охватило какое-то беспричинное, на все согласное счастье*¹¹ (двухкомпонентный); *а из главной залы, с ее хор, все покрывала, заглушила полковая музыка, звучно гремя печально-торжествующими тактами вальса*¹² (четырёхкомпонентный).

По расположению компонентов выделяют контактный и дистантный плеоназм, однако ученые расходятся во мнении, что учитывать, давая такого рода характеристику, – наличие непосредственной синтаксической связи между компонентами или их размещение в предложении. Поскольку на восприятие сочетания как плеонастического влияние оказывает наличие или отсутствие других лексем между удваивающи-

ми смысл компонентами, мы будем считать дистантным такой вид плеоназма, при котором его составляющие не следуют непосредственно друг за другом в процессе развертывания речи. Таким образом, в первом из приведенных выше примеров представлен дистантный плеоназм, а во втором – контактный (*все покрывала, заглушала и звучно гремя*) и дистантный (*заглушала полковая музыка, звучно гремя*).

С точки зрения семантико-синтаксических отношений между компонентами плеоназмы в рассказе «Натали» делятся на следующие структурные типы.

1. Плеоназмы, образующие словосочетание (их компоненты связаны подчинительной связью).

Они делятся на три группы либо по характеру подчинительной связи (с согласованием, управлением или примыканием), либо по семантическим отношениям. В последнем случае это плеоназмы:

а) атрибутивные: *спросил я, входя за ней в освещенную яркой висячей лампой столовую с открытыми в черноту теплой и тихой летней ночи окнами*¹³. Зависимый компонент *ночи* указывает на носителя признака – «черноты» (ср. *с открытыми в черную ночь окнами*);

б) субъектно-объектные: *сладко дуло полевым дождевым ветром*¹⁴. Зависимый компонент указывает на субъект действия *дуть*;

в) обстоятельственные: *Я замолчал, чувствуя, что лицо у меня теперь уже горит огнем*¹⁵. Зависимое слово *огнем* содержит образ сравнения, конкретизирующий состояние *горит*.

2. Плеоназмы в составе сложного словосочетания, т. е. такого, в котором две связи исходят от одного главного слова, например: *под лампой блестел ровный загар ее руки, сияли сине-лиловые усмехающиеся глаза и красновато отливали каштаном густые и мягкие волосы, заплетенные на ночь в большую косу*¹⁶. Компоненты *красновато* и *каштаном* не связаны между собой, но относятся к одному слову – *отливать*.

3. Плеоназмы, компоненты которых являются однородными членами предложения: *Войдя к себе, я, не зажигая свечи, сел на диван и застыл, оцепенел в том страшном и дивном, что так внезапно и неожиданно совершилось в моей жизни*¹⁷.

4. Плеоназмы, компоненты которых находятся в разных предикативных частях предложения: *охватил какой-то страх <...> перед Натали, перед тем мгновенным, чем она полчаса тому назад ослепила меня в своей быстроте*¹⁸.

5. Плеонастические конструкции, состоящие из двух синтагматически связанных предложений: – *Не прогневайся, больше ничего нет*, – сказала она, садясь и наливая вина мне и себе. – *И водки нет*¹⁹.

6. Плеоназмы, компоненты которых не связаны синтаксической связью: *За ужином – ужинали на этот раз тоже в саду, в доме было*

*жарко, – я сказал улану: – Дядя, что вы думаете о погоде? Мне кажется, завтра будет дождь*²⁰. Второй компонент плеонастической конструкции входит во вставную конструкцию и имеет уточняющее по отношению к первому компоненту значение.

Формальное многообразие плеонастических конструкций, позволяющее по достоинству оценить мастерство И. А. Бунина, подкрепляется разнообразием семантическим. Нами выделены следующие семантические типы плеоназма, представленные в рассказе «Натали».

1. Плеоназмы с полным семантическим совпадением компонентов.

*Я отшатнулся, глядя, как он, несколько сутулый в вальсировании, велик, дороден, весь черен блестящими черными волосами и фраком и легок той легкостью, которой удивляют в танцах некоторые грузные люди, и как высока она в бальной высокой причёске, в бальном белом платье и стройных золотых туфельках*²¹.

В таких плеонастических выражениях, несмотря на тождество значений компонентов, второй уточняет первый. Признак «черен» можно представить себе по-разному – в прямом и переносном смысле, поэтому второй компонент сужает первое понятие – «в черном фраке с блестящими черными волосами». То же самое происходит во втором плеоназме из этого примера.

2. Плеоназмы с частичным семантическим совпадением компонентов.

Они обычно основаны на синонимах. «Автор как бы колеблется выбрать одно, окончательное слово для определения того или иного явления и ставит рядом два или несколько синонимов, равноценных друг другу»²². В результате внимание читателя сосредоточивается на том общем, что привязывает компоненты друг к другу, что заставляет воспринимать их в единстве. В силу этого адресат лучше понимает, что является наиболее существенным для автора. Приведем пример:

– *Папа, слава Богу, молодцом. По-прежнему прям, тверд, постукивает костылем, взбивает седой кок, тайком подкрашивает чем-то бурый усы и баки, молодецки поглядывает на Христю... Только еще больше прежнего и еще настойчивее трясет, качает головой. Похоже, что никогда ни с чем не соглашается, – сказала она и засмеялась*²³.

Замечая смысловые различия между синонимами *трясти* и *качать*, мы в то же время концентрируем внимание на их общей части, которая характеризует папу как упрямого и гордого, ни с кем и ни с чем не соглашающегося. Эти глаголы помогают также развернуть картинку во времени: отец то мелко трясет головой, то, устав, просто качает ею.

В определенном контексте второй компонент плеоназма способен то сужать, то расширять значение первого, создавая эффект «мерцания смысла», например:

Я так ждал их в столовую, но когда наконец услышал их в столовой с балкона, вдруг сбежал в сад, – охватил какой-то страх не то перед обеими, с одной из которых я имел уже пленительную тайну, не то больше всего перед Натали, перед тем мгновением, чем она полчаса тому назад ослепила меня в своей быстроте²⁴.

Первый компонент *мгновением* в данном контексте может передавать как субъективное переживание скорости событий, так и объективное течение времени. Второй компонент *быстроте*, характеризуя действия героини, сужает значение первого до объективно краткого промежутка и в то же время вступает во взаимодействие с глаголом *ослепить*, подчеркивая скорость, с которой героиня пленила героя.

К схожему с синонимией эффекту ведет перифразирование. Оно позволяет продемонстрировать процесс восприятия и осмысления ситуации рассказчиком, например:

Вышла Натали только к вечернему чаю, но вошла на балкон легко и живо, улыбнулась мне приветливо и как будто чуть виновато, удивив меня этой живостью, улыбкой и некоторой новой нарядностью: волосы убраны туго, спереди немного подвиты, волнисто тронуты щипцами, платье другое, из чего-то зеленого, цельное, очень простое и очень ловкое, особенно в перехвате на талии, туфельки черные, на высоких каблучках, – я внутренне ахнул от нового восторга²⁵.

Оба выделенных компонента передают статичную картинку: герой увидел, что волосы на лбу и висках Натали выются, чего не было прежде. Далее следует догадка: она готовилась к встрече, завивалась щипцами. Так сцена превращается в наполненный эмоциями сценарий.

3. Плеоназмы с включением семантики одного компонента в состав семантики другого.

В такого рода случаях один из компонентов плеоназма обозначает предмет или действие, другой – различные аспекты данного предмета или действия, в том числе часть предмета, его признак, время действия и под. Рассмотрим пример: *Я пошел за ней, она приостановилась на ступеньке балкона, глядя на вершины сада, из-за которых уже клубами туч подымались облака, подергиваясь, сверкая беззвучными молниями²⁶.* Первый компонент *туч* не только отсылает к общей с *облаками* категории, но и акцентирует внимание на объективных и субъективных признаках – «темный», «тяжелый», «угрожающий» и проч., которые добавляют семантическую нагрузку компоненту *облака*, заставляя адресата представить себе изменение цвета, формы, плотности облаков.

Плеоназм данного типа может обуславливаться структурным фактором, а именно необходимостью ввести признаки, не относящиеся к первому компоненту, например: *сладко дуло полевым дождевым ветром²⁷.* Прилагательные *полевой* и *дождевой* не могут относиться к глаго-

лу *дуть*. Даже применив трансформацию *с поля дуло*, автор должен был бы указать носителя дождя – *ветер*. Лингвистический эксперимент, заключающийся в трансформации авторского высказывания в предложение *С поля дуло, и этот ветер нес дождь*, позволил нам выявить еще одну функцию плеоназма: он обеспечивает концентрацию смысла, синкретическое отражение действительности.

Подробный анализ структурных и семантических характеристик плеоназма в рассказе «Натали» позволяет выявить некоторые стилистические и внутритекстовые функции данного приема.

Во-первых, употребление И. А. Буниным плеоназма нацелено на то, чтобы дать читателю как можно больше информации о мире, представить максимально детализированное и вместе с тем целостное описание в относительно небольшом по объему тексте. Мастерство И. А. Бунина заключается в отточенности формы, изысканном выборе деталей, динамичности художественных образов.

Во-вторых, плеоназмы в тексте относятся к «сильным сигналам», служат средством установления иерархии значений, фокусируют внимание читателя на том, что оказывается важным, по мысли автора, выделяют те или иные оттенки смыслов. Плеоназмы выполняют многообразные семантические функции, такие как сужение, расширение или «мерцание» смысла.

В-третьих, плеоназм повышает напевность прозаической речи, придает ей музыкальность, свойственную поэзии и фольклору. Как отмечал А. Т. Твардовский, «Бунин всегда осознавал и в своих суждениях подчеркивал эту музыкальную сторону прозаического письма²⁸. В своем интервью 1912 г. писатель обращал внимание на то, что «поэтический язык должен приближаться к простоте и естественности разговорной речи, а прозаическому слогу должна быть усвоена музыкальность и гибкость стиха²⁹. Проиллюстрируем эвфонические свойства плеоназма примером: *И не чувствуйте неловкости – ведь все, что было, былем поросло и прошло без возврата³⁰.* Двойная паронимазия *было – былем* и *прошло – поросло* с последующим повтором согласных *з* и *в* в соседних слогах создают ритмически выверенный набор созвучий, сближающий прозу со стихом.

В-четвертых, плеоназм повышает экспрессивность высказывания и запоминаемость текста. В конце рассказа герой восклицает: *как хотел я умереть в ту ночь в восторге своей любви и погибели!*³¹. Игра на прямом и переносном значении компонентов плеонастической конструкции, включенной в восклицательное предложение, позволяет читателю острее прочувствовать силу любви и раскаяния героя, а расположение этой фразы в сильной позиции конца текста заставляет сделать обобщения по поводу двойственности любви.

Наконец, в-пятых, плеоназм обеспечивает локальную и глобальную связность текста путем

установления семантически и стилистически значимых связей между соседствующими и дистантно расположенными словами и выражениями.

Проведенное исследование подтвердило нашу гипотезу о том, что плеоназм является важным приемом, отличающим идиостиль И. А. Бунина. Было установлено, что в рамках небольшого рассказа писатель смог воплотить впечатляющее конструктивное многообразие плеоназма. Он продемонстрировал богатые семантические и стилистические возможности этого приема, его органичность для художественного мышления, связанную со способностью к образной конкретизации, с эмоциональной насыщенностью, с пригодностью как к синтезу, так и к анализу. Не последнюю роль для И. А. Бунина играла музыкальность и ритмичность такого повтора. Правда, трудно сказать, в какой мере выявленный нашим исследованием потенциал плеоназма был отрефлексирован писателем. Мы не исключаем того, что часть комбинаций и приращений смысла была получена интуитивно. Но из этого и складывается процесс познания: то, что стало доступным благодаря интуиции писателя, в дальнейшем подвергается научному осмыслению и в результате творчески обогащает следующее поколение писателей.

Примечания

- ¹ Бунин И. Собр. соч. : в 9 т. / под общ. ред. А. Мясникова, Б. Рюрикова, А. Твардовского ; вступ. ст. А. Твардовского. Т. 1. М., 1965. С. 8.
- ² Там же. С. 24.
- ³ Там же. С. 22.
- ⁴ Есакова М. Плеоназм как явление речевой избыточности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 26.

- ⁵ Ковалева Т. Плеоназм в русском языке XXI века : семантический аспект // Вестн. НГГУ. 2017. № 4. С. 158.
- ⁶ Хан-Пира Эр. Плеоназм и тавтология. Разные судьбы плеоназмов // Русский язык. 2003. № 14. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200301409> (дата обращения: 15.09.2019).
- ⁷ Ковалева Т. Указ. соч. С. 158.
- ⁸ Виноградов В. Плеоназм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 180.
- ⁹ См.: Геккина Е. Плеоназм и тавтология // Культура письменной речи. Русский язык. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=8.23> (дата обращения: 21.04.2019).
- ¹⁰ См.: Виноградов В. Указ. соч.
- ¹¹ Бунин И. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1988. С. 125.
- ¹² Там же. С. 133.
- ¹³ Там же. С. 116.
- ¹⁴ Там же. С. 130.
- ¹⁵ Там же. С. 138.
- ¹⁶ Там же. С. 117.
- ¹⁷ Там же. С. 131.
- ¹⁸ Там же. С. 126.
- ¹⁹ Там же. С. 116.
- ²⁰ Там же. С. 130.
- ²¹ Там же. С. 133.
- ²² Лихачев Д. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. Поэтика древнерусской литературы. М., 1987. С. 375.
- ²³ Бунин И. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 117.
- ²⁴ Там же. С. 126.
- ²⁵ Там же. С. 127.
- ²⁶ Там же. С. 131.
- ²⁷ Там же. С. 125.
- ²⁸ Твардовский А. О Бунине // Бунин И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 1. С. 42.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Бунин И. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 137–138.
- ³¹ Там же. С. 145–146.

Образец для цитирования:

Лиминь Пэй. Плеоназм как стилистический прием в прозе И. А. Бунина (на примере рассказа «Натали») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 25–29. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-25-29>

Cite this article as:

Limin'Pej. Pleonasm as a Stylistic Reception in I. A. Bunin's Prose (On the Example of the Story *Natalie*). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 25–29 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-25-29>